

Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:

Брошь с черным опалом
Портрет девочки в шляпе
Королевская лилия
Крест Шарлотты
Антикварная история
Пруд с золотыми рыбками
Слеза Евы
Забытый аромат
Семейная реликвия
Красное солнце валькирии
Французское наследство
Нить наяды
Царский подарок
Кипарисовый крест
Завеса зла
Рапсодия Богемской

Цикл «Сыщик Анна Чебнева»

Кукла Коломбины
Гребень Матильды
Танец Иды
Тетрадь князя Путятина

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

Т Е Т Р А Д Ъ
К Н Я З Я П У Т Я Т И Н А

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *О. Фатиховой*

Дорош, Елена.
Д69 Тетрадь князя Путятина : [роман] / Елена До-
рош. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-240725-3

В Ленинграде начала 1930-х тени прошлого смешиваются с новой реальностью. Загадочный пожар, обугленный труп и инсценированная смерть князя Путятина — лишь вершина айсберга. Для Анны Чебневой это дело становится не просто расследованием, а путешествием в прошлое, где женщину ждет встреча с призраком утраченной любви — глубоко засекреченным разведчиком, отцом ее дочери. Брошенная в самое сердце Парижа, в клубок интриг, предательства и шпионажа, Анна оказывается пешкой в чужой игре. Но она не из тех, кто сдастся! Любовь, вспыхнувшая с новой силой, становится и ее силой, и слабостью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-240725-3

© Дорош Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПОЖАР НА КОЛОМЕНСКОМ ОСТРОВЕ

Он слышал, как человек ходил по комнате и что-то бормотал.

Ходи, ходи, топчись, проверь, хороши ли тебе новые сапоги, не давят ли, не натирают. В них тебя хоронить придется. Или нет. Что за глупости? Сапоги сгорят. Если только подметки целы останутся, да и то вряд ли.

Он сунул руку в карман и удивился, не обнаружив ключа. В поисках судорожно обшарил себя и выругался. Неужели обронил, когда банки под шкаф ставил? Ну, теперь уж все равно. Он сдернул с шеи галстук и принялся привязывать ручку двери к отставшему в нескольких местах от стены наличнику. Наличник дубовый, крепкий, сразу не выбить. А там уж и сил не останется.

Он рассчитал момент, когда должен взорваться примус. По этим расчетам, он уже выйдет из парадного и успеет завернуть за угол, чтобы не задело

осколками. Когда подскочат пожарные, его не будет в пределах видимости. Закавыка с ключом испортила все дело. Ну да что теперь. Винить некого.

Он осторожно потянул на себя ручку, чтобы убедиться: завязано достаточно крепко, — и поспешил вниз. Только бы никто не попался навстречу и не увидел его бегущим. Впрочем, он знал, что никого не встретит.

Завернув за угол, он оглянулся и торопливо перекрестился.

Дело сделано.

В кабинете начальника отдела по расследованию убийств раздался звонок.

— Что там? — спросил зашедший по делу Березин.

— Звонили из пожарной части, — вешая трубку, сообщил Локтев. — В сгоревшей квартире в Малой Коломне обнаружен труп. В доме Фитингофа.

— Фамилия хозяина известна?

— Пуятин Николай Львович.

— Пуятин? — переспросил Березин. — Где-то слышал эту фамилию.

— Мне не встречалась, — пожал плечами Локтев.

— Погоди. Это не из князей ли Пуятовых? Одного я знал. Начальник Царскосельского дворцового управления князь Михаил Сергеевич Пуятин, генерал-полковник, кажется. Отец мой работал там истопником.

— Хорошее местечко. Теплое.

— Непростой человек был князь Путятин. Знавал Григория Распутина, кстати. Эмигрировал в Париж в девятнадцатом.

— Успел, сволочь.

— Этот из тех Путятинных?

— Да кто их теперь разберет. Теперь все трудящиеся.

— Труп мужской или так сильно обгорел, что непонятно?

— Пожарный сказал, что мужчина. Должно быть, хозяин.

— Звони в домоуправление и участковому. Они должны быть в курсе.

Локтев недоуменно посмотрел на Березина. Чего это он всполошился? Путятин — не Путятин — какая разница? Ну, сгорел кто-то, и что из того? Мало ли народу горит по собственной глупости? А если не по глупости, а вследствие убийства или еще чего, так это неизвестно еще.

Сомнения свои Петр Иванович Локтев, пришедший в отдел по расследованию убийств как раз на место Березина, высказывать не стал, быстро набрал номер дежурного и велел соединить с отделом милиции Коломенского острова.

Кратко переговорив, он сообщил, что участковый как раз выдвинулся на место пожара.

— Пошли туда своих.

— Может, подождем малость? Куда торопиться? — все-таки высказался Локтев. — Вдруг мы ни при чем.

— Пусть съездит Чебнева.

— Чебнева расследует убийство на Лиговке. А Лиговка, сам знаешь, у Медведя на личном контроле.

— Ничего, отвлечется малость. И дай ей кого потолковей в помощь. Лазута, кстати, когда возвращается?

— Завтра как раз.

— Это хорошо, — отозвался Березин, вставая и прощаясь за руку.

«Чего хорошего?» — недовольно подумал Петр Иванович.

Ему не нравилось, что Березин по-прежнему в курсе всех дел его отдела.

По привычке или не доверяет?

Петр Иванович Локтев пришел в УГРО с партийной работы. Так сказать, «направлен на усиление». Понятно, чего — сознательности. Дисциплина в милиции, конечно, почти военная, но сыщики — они такие. Ни бога, ни черта не боятся. Ловят уголовников, стреляют бандитов. С ними и общаются. Откуда взяться страху перед парторганизацией? А страх должен быть.

Видимо, для усиления священного трепета на руководство отделом посадили Локтева. В розыском деле тот понимал немного, но, надо отдать должное, ребятам работать не мешал, и даже прикрывал перед высоким начальством, когда случилось непредвиденное.

Одно плохо — человеком он оказался со слабостями, что в определенной степени мешало ра-

боте. Заключалась слабость в особом трепете перед женским полом. До недавнего времени Локтев и сам не подозревал, что таковой у него имеется. Был он прочно женат, имел троих детей и уж точно не ждал, что в уголовке его может настичь подобная оказия.

Откуда в УГРО взяться красивым бабам? Там если и есть сотрудник в юбке, то «синий чулок» или страшненькая.

Все установки рухнули, когда он увидел Анну Чебневу.

К тридцати годам она набрала самый женский сок. Таковую даже в распоследней затрапезе не заметить невозможно. Грудь пышная, талия тонкая, ресницы веером, и волосы она не состригла, как все прочие. Закрутит в пучок, а кудряшки все равно выбиваются и стоят вокруг лица шапкой, как нимб ангельский, честное слово. Ну, как удержаться?

Вот и сегодня, едва Петр Иванович слышал в коридоре ее голос, выскочил из кабинета и, сделав зверское лицо, заорал:

— Чебнева! Чего ковыряешься? Езжай на Коломенский! Машина у крыльца битый час бензин жрет! Черенков уже тама!

— Так и я уже тама, товарищ Локтев.

— Чебнева! — гаркнул начальник, но она уже исчезла за углом.

Петру Ивановичу оставалось только погрозить вслед кулаком.

Вот до чего своевольная баба эта Чебнева! Даром что лучший сотрудник отдела, а если честно,

распоясалась до самой невозможности. Вернется, вызовет ее и пригрозит недавно принятым Дисциплинарным уставом РКМ. Небось живо присмирееет тогда!

Петр Иванович сунул в рот трубку и вернулся в кабинет. Дел по горло, а эта баба уже успела сбить его с панталыку!

Ведь вроде и не рядится, как некоторые, в цветастые крепдешиновые платья с воланами, каблучками по коридору не стучит, не вертится перед носом с накрашенными губами — надо, кстати, сделать очередной втык Валечке — и не душится, как все бабы, приторными духами, а все одно производит существенное помутнение в мозгах. И если бы только у рядовых сотрудников ОУР по раскрытию убийств! Так она и до него добралась! До того, как ушел на повышение, ее прямым начальником был Березин. Слышал, что в женском вопросе тот был кремень, да что-то с трудом верится. Эта Анна, она вся такая...

Зимой он еще кое-как справлялся. Зимой все бабы на одно лицо. К тому же форма. Она гасит зловредные мысли. Но весна — будь она неладна! — разожгла в головах даже самых жестких мужиков легкомысленные идеи насчет того, что женщина может быть не только товарищем по работе, а еще и «дамой сердца», как выразился недавно этот щенок Федька Черенков. И откуда только слов таких набрался, паршивец! Ну да с молокососа какой спрос! Но он-то сам чего повелся? И, главное, на кого? На сотрудницу уголовки, которая считается

в отделе волкодавом из волкодавов! Да к тому же до недавнего времени замужнюю. Муж год назад умер, правда.

Так, может, в этом все дело, что она теперь свободная, что нынче, так сказать, доступ к телу открыт?

Сперва он думал, что у нее шуры-муры с Лазутой, но потом раздумал. Вот кто кремень, так это Ванька. Смотрит на Чебневу, как на пацана в юбке, и ни в одном глазу не полыхнет пожаром. Как так?

Петр Иванович пыхнул трубкой, которую курил в подражание вождю народов, и закашлялся от слишком глубокой затяжки.

Есть тут и другая закавыка. Сама Анна повода не дает никому. То ли не отошла после смерти мужа, то ли в другом дело. В ребятенке, может? Девчонка у нее забавная. Бойтся Анна, что ревновать станет к другому дяде?

Петр Иванович повернулся к окну и увидел, что дождь закончился, ветерок разогнал тучи, того и гляди солнце выглянет. А солнце весной — это... Это для работы хуже нет!

И какого черта он битый час думает о всякой ерунде? Чебнева, хоть и красивая баба, но ничего промеж них не случится. Потому что он начальник, а она — подчиненная!

На этой мысли Петр Иванович стукнул кулаком по столу и крикнул дежурному, чтобы заводил автомобиль ехать в исполком на совещание.

Анна даже не догадывалась, в какое смятение духа ввела начальника. Трясаясь в машине, быстро

катившей на Коломенский остров, она думала о том, что у Маши совсем прохудились ботинки, да и пальтецо маловато. Заметила она это только вчера и огорчилась. Ну что она за мать, если не видит, в чем ходит ребенок? И Фефа хороша. Ничего не говорит. Почему? Раньше, чуть что не так, сразу руки в боки и в атаку. Мол, ты такая-сякая, со своей работой совсем с ума сошла, и так далее и тому подобное. Спорить или, не дай бог, вступать с Фефой в пререкания — значит породить тайфун, ураган, смерч. Особенно она лютует, когда речь идет о Маше. Что ж теперь? Может, Фефа болеет, потому притихла? Надо будет присмотреться к ней. О своих болезнях Фефа не говорит никогда и не признается, даже если припереть ее к стенке. Только иногда охнет и вдруг замрет. Это мгновение надо уловить и уж тогда начинать потихоньку вытягивать из нее правду.

Вот доктор Симон все Фефины болячки видел невооруженным глазом.

Жаль, что свою не сумел вовремя разглядеть.

Ее фиктивный брак так и не стал настоящим, и теперь, после смерти Ивана Павловича, она иногда жалела, что он так и не познал тепла домашнего очага и не ощутил, что значит — любящая женщина рядом. Прожил рядом с ними, довольствуясь искренней дружбой, и не более.

Впрочем, жалость к Симону была скорее человеческая, нежели бабская. И это было странно даже для нее самой. Неужели в ней умерло все женское? Даже Фефа порой смотрела с сомнением: не по-

вредила ли Анюта в уме от такой ненормальной жизни.

Конечно, рекомендовать воспитаннице найти себе подходящего мужика она не могла — ибо в каждом видеела «фармазона», — но и пустоцветом всю жизнь просидеть тоже ничего хорошего. Вот почему все чаще Анна замечала на Фефином лице отражение тяжких раздумий и со дня на день ждала, что та приступит к штурму непробиваемой крепости ее молчания.

Хорошо, что рядом всегда была Маша. При девочке, которая в девять лет уже многое понимала, начать стрельбу из всех орудий Фефа не респалась, но Анна чувствовала: терпение у Фефы заканчивается. Она никогда не склоняла Анну к тому, чтобы стать с Иваном Павловичем настоящей семьей. Понимала: жизнь с нелюбимым хуже неволи. Но у нее, однако же, был свой резон. Фефа была уверена, что девочке нужен настоящий отец, а не «за-летное привидение», как она называла Егера.

Из задумчивости Анну вывел шофер дядя Пания — производное от Пантелеймона, — резко затормозивший перед перебежавшими дорогу детьми. Анна чуть не сунулась носом в переборку. Едва успела ухватиться за поручень.

— Вот паразиты! Нарочно, что ли, под колеса лезут?

— Приехали? — спросил, потирая лоб, Федя Черенков.

Анна взглянула с усмешкой — а не надо было спать на работе — и тут же устыдилась своего

раздражения. Черенков — парень перспективный, есть в нем сыщицкая косточка, но ей нужен Лазута, верный друг и напарник уже много лет. И какого черта его так надолго услали на курсы? Какая учеба, если она без него зашивается?

— Дойдете отсюда пешком, — буркнул дядя Паня, — а то не развернусь там. Вся улица дерьмом всяким закидана. Пожарники постарались, будь они неладны!

Дядя Паня тоже был не в настроении с утра, и Анна его понимала, поэтому молча вылезла из машины и, не оглядываясь, пошла к парадному сгоревшего дома.

Впрочем, дом, как оказалось, сгорел не полностью — только три квартиры по вертикали, — и это радовало. Раз квартиры напротив уцелели, значит, будет с кем поговорить.

У входа их встретил бледный управдом.

— Гаврила Романович Кемарьков, — представился он, одернув кургузый, еще дореволюционный сюртучок.

— Чебнева, уголовный розыск, — показала удостоверение Анна.

— Так вы думаете, что это поджог? — немедленно задал вопрос Кемарьков.

— Мы ничего не думаем, мы выясняем причину смерти человека, — строго ответила она сообразительному управдому и взглянула изучающе: — А почему вы решили, что поджог?

— Я? — вытаращил глаза тезка знаменитого поэта. — Да вы же сами... То есть я подумал...

— Не надо думать, товарищ Кемарьков, — добавила суровости Анна. — И обсуждать с кем бы то ни было — тоже. Проводите нас в квартиру, где обнаружен труп.

— Так я для этого вас и встречаю, дорогие товарищи!

— Почему вы, а не участковый?

— Так тот уже поквартирный обход начал. Мне велел дожидаться приезда компетентных органов, — суетясь и заглядывая ей в глаза, засеменил к парадному Кемарьков.

Анна оглянулась на Черенкова.

— Найди его, Федя. Как закончите, присоединяйся.

— Есть, — козырнул Черенков и побежал вперед.

Пока стояли в ожидании лифта, Анна расспрашивала управдома о жильцах квартиры, с которой начался пожар.

— Из бывших, — немедленно сообщил Кемарьков. — Путьгин Николай Львович, раньше князь, а нынче инженер.

— Прямо-таки князь?

— Представлялся таковым. Бумаг мы не видели, конечно. Хотя какие сейчас бумаги...

— А зачем ему представляться князем? — повернулась к управдому Анна.

— Оно, конечно, незачем, однако в этом доме в основном бывшие живут. Тут, знаете ли, чтобы за своего сойти, вернее всего, следует обнаружить в биографии знатных предков.